

Личность в системе соотношения природы и культуры

Жусупова Б.Ж.

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

Автор адамды қоршаған табиғи және жасанды әлем ретіндегі табиғат пен мәдениеттің арақатынасы мәселесін қарастыруды өзіне мақсат еткен. Философиялық ойлардың тарихында осы мәселені шешуде алуан түрлі әдістер болған. Бұл мақалардағы негізгі мәселе адам пайда болғанға дейінгі табиғи әлем мен адам пайда болғаннан кейінгі өзінің бастамасын алған жасанды әлемнің және оның өзінің жасампазы болып табылатын үйлесімінің жүйесінде бір-бірімен өзара әрекеттесетін тұлғаның қалыптасу ерекшелігі байланысты екендігінде. Мәселе тұйыққа тірелмес үшін осы шекараны табу керек, яғни адамзат тұлғасының үйлесімді дамуы үшін алғышарттарды іздестіру қажет.

The author seeks to understand the problem of the relation of nature and culture of both natural and artificial worlds surrounding the person. In the history of philosophical thought there were different approaches to its solution. In this paper, the key idea is that the peculiarities of the individual entirely depends on what coordinate system to interact with the natural world that existed long before humans, and the artificial world, originating after the occurrence of human invention and which is already his own. The problem is how to find the edge, so as to not rushing to extremes to find conditions for the harmonious development of human personality.

Проблема соотношения природы и культуры традиционно обозначается как проблема соотношения естественной и искусственной сфер человеческой жизни. При этом природа как естественная среда обитания человека, во-первых, противопоставляется культуре как искусственно созданной человеком, а во-вторых, является фоном, позволяющим выявлять особенности культуры.

В этом сопоставлении оценки культуры были самые разные. Так, в древней философии, особенно античной (но не только), культура как творение человека должна была отражать природу, являющуюся «царством» порядка, гармонии и совершенства. Ведь космос (гр. *Cosmos*) — это вся вселенная, мировое целое, которое противостоит хаосу своим порядком и красотой. Греческие коммуны предлагали художнику подражать природе. Грек подсматривал за природой и учился у нее гармонии, совершенству и умеренности. Эстетические идеалы греческой культуры: красота, мера, гармония. Красота понималась, прежде всего, как соразмерность, определенность, порядок. Мера — это исходный принцип всего сущего, характеристика совершенства. «Ничего лишнего» — запись на фронте дельфийского храма Аполлона.

Культурозозидающая деятельность центрировалась вокруг идеи воспитания. Воспитывалось же соответствие космическому строю. Именно в этом плане человеческое установление является естественным продолжением установления природного (фьюсис). Воспитание — также природный процесс; констатация данного факта не принижает его, а показывает, сколь широким спектром обладало в античности слово «природа». Как только культура открыто выявляла себя как «вторая реальность», античность обращалась к критике искусственного. С критикой излишеств связаны имена Сократа, Платона, Антисфена, Сенеки и других мыслителей, являющихся центральными фигурами в истории античной мысли.

Что касается эллинской науки, то греческие «физики» умели соединить интерес к изучению природы с одновременным трепетным отношением к ней как Храму богов. Они пытались постигнуть законы природы для того, чтобы не нарушать их. (Другое дело, Сократ был противником изучения фьюсиса, считая, что познавать природу — дело безбожное: нельзя познавать богов на языке человеческой глупости.)

Поэтому никакого противопоставления природы и культуры в античном мировоззрении не было. Да, конечно, культура — изобретение человека, но, ощущая себя частицей природы, древние люди пытались создать то, что легко впишется в общую картину мироздания, а значит, не будет ей противостоять. Отсюда понятен идеал грека — калокагатия (единство физического и духовного совершенства).

Таким образом, человек эпохи Античности — реалист, натуралист, в своих мыслях приземлен и ищет единства с окружающей его природной реальностью, которую чувствует, но не знает, и перед которой преклоняется.

Космизм античности позволял мыслить окружающий мир как гармоничную целостность, лишённую сложной противоречивости. В этом смысле понимание ими культуры и цивилизации также едино, не противопоставлено. Эти термины синонимичны.

Касаясь их этимологии, известно, что взяты они из латинского языка, но в своем первоначальном смысле обозначали совсем разное. «Культура» обозначала «возделывание почвы», т.е. являлась чисто аграрным термином, а «цивилизация» есть «гражданин», «город». В этом смысле римляне подчеркивали превосходство городского уровня жизни над грубым деревенским, тем более варварским (что очень актуально было для Рима, атакованного непокоренными им кочевыми племенами во времена великого переселения народов).

Что же касается понятия «культура», то с легкой руки Цицерона, образно заявившего, что ум человека надо обрабатывать так же, как земледелец обрабатывает почву, оно в скором времени в рамках той же античности стало синонимом понятию «цивилизация». «Цивилизованный» — значит, городской, образованный, просвещенный, культурный.

Эпоха Средневековья меняет координаты измерения культуры, перенося ее плоскость в мир трансцендентности, божественности. Культуру соотносят не с природным миром (схоластика нема, равнодушна к ней), а с Богом. Все, что произведено, казалось бы, человеком, есть результат обретения всего этого им у Высшей сущности. Любое действие начинается с молитвы как просьбы ниспослать рабу Божьему великое таинство творчества и деятельности.

При этом схоластическая наука скрывала неисчерпаемый смысл истины Откровения, требующей индивидуального переживания, личного осмысления. Во всевозможных добавлениях, ведущих в тупик, исчезала возможность охвата всеобъемлющего смысла всего сущего, и тем самым размывалось должное измерение человеческого существования. Стесненная ритуалами и догматами личность была вынуждена держать про себя свои мысли, чувства и переживания. Разум человека конечен, тогда как вера безгранична. Вера едина, она исключает сомнения, в то время как разум парадоксален и сомневается. Укорененная в истине Откровенная вера ничего, кроме этой истины, не ищет, тогда как лишенный такой веры Разум обречен на постоянный поиск.

Иными словами, Средневековье обращает взоры людей не на природу, в которой человек так и не нашел, чего искал, а на то, что выше природы, общества, самого человека, на то, что, возможно, совершенней естественной реальности — на сверхъестественное, которое теперь объявляется гарантом спасения человечества.

И только с эпохи Возрождения, когда человек начинает секуляризовываться, верить в себя, когда он потихоньку поворачивается глазами к земному миру, ища и в нем опору для благополучия, он дает старт «лукавому мудрствованию». Все отчетливее вырисовывается граница между тем, что было до человека, и тем, что связано непосредственно с ним, с его деятельностью. Эта грань между естественным и искусственным увеличивается и приводит поначалу к мезальянсу, а потом к их конфликту.

Начиная с Нового времени разумное человечество выстраивает свою, человеческую шкалу ценностей, которые потом объективируются и даже трансцендируются.

Теперь человек возвышает себя над природой, ощущает свое превосходство над косной, грубой материей, перестает преклоняться перед ней («Природа — не храм, а мастерская»), поет гимн своему разуму, оптимистично веря, что только он просчитает и наведет мировой порядок и обеспечит счастливое благое будущее.

Природа, естество, таким образом, определяются как предпосылка, точка отсчета, старт, материал для человека, что сбрасывать со счетов не стоит, а стоит совершенствоваться. Поэтому появившиеся в XVII–XVIII вв. в европейской философии теории «естественного состояния» и «естественных прав человека» не противоречили теориям «общественного договора», государства. При этом в природе, скорее, никакого творчества нет, что связано с деистическими воззрениями. Творчество — атрибут человеческого деяния. В результате соотношение естественного и искусственного заметно меняется в сторону приоритета последнего.

Наступает время, о котором красноречиво свидетельствуют названия — Новое время, эпоха Просвещения. Но именно в их недрах зреет парадокс: чем выше уровень материального производства, тем ниже духовный уровень развития. И это непременно становится заметно для передовых мыслителей того времени — Ж.-Ж.Руссо, Г.Спенсера, О.Шпенглера. А значит, то, что связано с деятельностью человека, может быть как полезно для него самого, так и одновременно ему противостоять. Отсюда в европейской философии возникает новая традиция — различать и даже противопоставлять понятия «культура» и «цивилизация».

Как выражение отчаяния звучит знаменитый призыв Ж.-Ж.Руссо: «Назад к природе!», в унисон даосскому предостережению, что усилия цивилизации приводят к дисгармонии в человеческой душе. Что это? Выражение «дурной бесконечности» исторического развития или «дурной бесконечности» человеческой сущности? Вопрос сложный, а потому до сих пор открытый. Налицо явный конфликт естественного и искусственного, грань между которыми смещена в постмодернистскую перспективу.

По мнению В.Е.Кемерова, устаревает «понимание истории в контексте ее противопоставления природе. Именно потому, что общество начинает влиять на биосферные процессы, природа перестает быть фоном исторической драмы и обнаруживает свою собственную историчность, многомерность своей эволюционности. Более того, она заставляет и общество взглянуть на себя как на особую форму эволюции, рассматривать развитие своих средств деятельности — в частности техники — не в особой исторической логике, не в противопоставлении природным процессам, а в конкретной связи с эволюционирующими системами разного характера и порядка» [1; 8].

Как известно, XX в. — эпоха кардинальных перемен во всех сферах человеческой жизни. Век динамичный, пестрящий многообразием событий, взлетов и катастроф, противоречивый и удивительный, «энергетический» в самых разных смыслах этого слова. «XX век живет не по часам, а по секундомеру...», — поется в одной из песен. Он требует от современного человека максимума мобильности, собранности, бдительности, постоянной напряженности, смены жизненных традиционных ориентиров, ломки стереотипов — в целом, инновационного мышления. Реальность, возникающая вдруг вокруг нас, зачастую и парадоксальна, и абсурдна. Происходит ломка всего образа жизни, мировосприятия. Человек оказывается перед лицом новой действительности, к которой не успел адаптироваться, которая во многом кажется ему чуждой и враждебной, что очень сложно своевременно все осмыслить.

Конечно, в предыдущей истории человечества тоже происходили значительные изменения, «перестройки», радикальные новшества во всех сферах жизни, что вызывало у ее современников растерянность, отчаяние, страх, неготовность вовремя на все отреагировать, «переварить» внутри себя. Примеров этого история нам предоставляет достаточно. Вспомним духовные терзания Конфуция, Лао-цзы, Платона, Аристотеля, Августина, Руссо, Канта, Ницше, Шопенгауэра, Абая, Бердяева и многих других по поводу своего времени, поставившего еще неведомые им проблемы, выглядящие как бы вызовом человечеству.

В этой связи как нельзя кстати вспоминается знаменитая культурологическая концепция «Вызов — ответ» английского историка, культуролога Арнольда Джозефа Тойнби. Согласно этой концепции любая цивилизация формируется, обретает жизнеспособность, если ей удастся давать ответы на те вызовы, которые бросают ей создавшиеся условия. Так, процесс иссушения дельт Нила, Тигра и Евфрата был вызовом, ответом на который стало возникновение египетской и шумерской цивилизаций. Минойская цивилизация была ответом на постоянные «вызовы Посейдона», т.е. моря, а цивилизация майя — ответ на вызов тропического леса. Таким образом, «вызов-ответ» — это механизм возникновения и развития цивилизаций, благоприятные же условия не создают цивилизационных стимулов. (Правда, бывает и так, что вызов настолько силен, что не удается дать на него адекватный ответ. Тогда цивилизация погибает.)

Если в примитивных обществах основным механизмом их функционирования является сохранение и подражание, обеспечивающие устойчивость, то на зрелых стадиях устойчивость может быть обеспечена только гибкостью, динамичностью, постоянным развитием и совершенствованием. И это объясняется тем, что зрелые стадии развития человеческого общества связаны со взрослением человечества и обнаружением неоднозначности человека.

Именно на зрелой стадии развития общества, в эпоху Просвещения, само понятие «цивилизация» демонстрирует оппозиционность понятию «культура». По поводу этого в 1750 г. на соискание премии Академии г.Дижона (Франция) выставляется эссе Ж.-Ж.Руссо на тему «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?», в котором автор четко обозначает, что между цивилизацией и культурой далеко не простая связь. Выясняется, что цивилизация подразумевает в большей степени материально-технический уровень развития общества, тогда как культура — его духовность. А значит, достойный, адекватный ответ на все «вызовы» жизни может дать только культура, так как материальные ценности «неустойчивы» в этой нелегкой схватке. Поэтому именно культура является «лакмусовой бумажкой» и одновременно «рычагом» времени.

Не случайно в философии XX в. особую актуальность приобрела философия культуры как попытка самосознания человечества и самопознания с целью улучшить собственное бытие.

XX век только закончился, передав в наследство нашему столетию и величайшие достижения, и величайшие беды. Он приобрел множество эпитетов, данных мыслителями-современниками: «постиндустриальное общество», «информационное общество», «постмодернистское общество», «постсовременное общество».

Конечно, чтобы достаточно адекватно оценить только что ушедшее столетие, нужно разменять не один десяток, а то и столетие. Об этом замечал еще И.Кант, подчеркивая, что логику истории можно узреть не сразу. Сразу — это нагромождение случайных событий. И лишь спустя определенное время логика истории сама выведет свою линию. Однако чтобы знать, куда же и как двигаться дальше, надо понять, куда мы пришли и почему.

Любое событие в истории, тем более ключевое, которыми изобилует XX в., есть культурно-историческое событие, так как связано с человеческой деятельностью, всегда культурно-наполненной. Ведь культура, во-первых, — сама есть результат человеческих рук, а, во-вторых, человек — носитель культурных достижений своего времени. Перед культурологами встала масса задач и проблем.

Проблему, на которую обратил внимание в XVIII в. Ж.-Ж.Руссо, продолжает, например, в XX в. Освальд Шпенглер в своей знаменитой работе «Закат Европы». При всей спорности многих ее положений эта книга дает обширнейший материал для размышлений. Словно сегодня написаны строки о том, что в самой сущности цивилизации заложено стремление экспансии на все человечество, к превращению мира в один громадный город, о том, что империализм, неизбежно порождаемый цивилизацией, насаждает гигантские машины и гигантские промышленные предприятия в задыхающихся под собственной тяжестью городах, где умирающее искусство вырождается в массовые зрелища, арену сенсаций и скандалов. Людей привлекают насилие, власть, деньги. «Хлеба и зрелищ!» — это было сказано еще Цицероном о Риме, то же происходит в Европе, закат которой Шпенглер постоянно сравнивал с крушением Римской империи.

Но материалистический детерминизм, наверное, не вина и не беда наша. Скорее, это закономерность истории, к которой нужно относиться безболезненно, как к закономерности, тем более, что наука предоставила нам массу возможностей (и не только технических) развиваться интеллектуально, духовно, самостоятельно. Она кардинально изменила свое отношение к религии. Если ранее в истории между наукой и религией существовал ярый антагонизм (вспомним костры инквизиций в Средние века и оголтелый атеизм в нашей бывшей стране), то в XX в. ряд научных открытий сама католическая церковь реабилитировала. Например, при правлении бывшего, ныне покойного Папы Римского, Иоанна Павла II было реабилитировано учение Галилея и Ч.Дарвина. Высшие саны духовенства сейчас — это люди высокообразованные, которые пришли в религию после того, как занимались наукой. На сегодняшний день существуют две большие картины Мира — научная и религиозная. Другими словами, наука и религия пытаются не противоречить друг другу, а сосуществовать, искать общие пути постижения мира.

Другое дело, что обнажились новые аспекты бытия, а вместе с ними новые проблемы, требующие незамедлительного решения. Почему незамедлительного? Это тоже закономерность времени. Ученые, философы, писатели, публицисты замечают тенденцию «ускорения социального времени», и без наук здесь никак не обойтись.

Современные технологии позволяют получать, передавать и обрабатывать информацию с очень высокой скоростью, в то же время они открывают широкие перспективы для управления, а также взаимодействия между предприятиями и внутри предприятий. Существуют технологии, которые позволяют в той или иной степени эффективно бороться с такими проблемами, как голод, эпидемии, стихийные бедствия. Если в предыдущие исторические периоды развития человечества можно было говорить о бедах, справиться с которыми люди объективно были не в состоянии, то теперь возможности человека значительно расширились.

Наука сделала жизнь современного человека удобной, комфортной, красивой, приятной, в смысле оснащенности техническими средствами — легкой.

Удовлетворение базовых потребностей в определенной степени оказывает позитивное влияние на формирование и развитие личности. Но вряд ли обоснованным будет мнение, что возможность удовлетворения базовых потребностей сама по себе является достаточным условием для гармоничного развития человека. Прежде всего, эта возможность далеко не всегда бывает реализована. Рыночные механизмы, внутри которых мы в настоящее время существуем, не рассчитаны на то, чтобы кормить голодных и помогать бездомным. Кроме того, нельзя забывать о том, что на самом деле борьба

за существование и конкуренция не исчезают (более того, это основной механизм рыночной экономики).

Казалось бы, повышение материальных возможностей диктует повышение возможностей для духовного роста. Но, как подсказывает практика, этого однозначно не происходит. Например, в материально обеспеченных семьях очень часто дети вырастают асоциальными, пополняют «армию» алкоголиков и наркоманов. Очевидно, что удовлетворение материальных потребностей отнюдь не является достаточным условием для того, чтобы человек мог гармонично развиваться. На первый взгляд, технологии постиндустриального общества позволяют человеку освободиться от изнурительного, репродуктивного труда во имя творческой работы; однако на практике это создает возможность появления тунеядцев, которые даже не стремятся идти на работу.

Эта тенденция не новая в человеческой истории. Но в XX в. она более отчетливо вырисовалась на фоне научно-технического прогресса и заставила ряд философов экзистенциального направления размышлять особым образом. Так, Заратустра ставит перед собой задачу нахождения и развития цели человека, которая воплощается в «сверхчеловеке». «Сверхчеловек — смысл земли». Человек является тем, что должно быть преодолено. Человек, говорит Ницше, — это натянутый над пропастью канат между животным и сверхчеловеком. Что можно любить в человеке, так это то, что он переход и гибель. Наша ценность заключается не в том, что мы есть, а в том, чем мы можем стать. Но чтобы стать этапом к «сверхчеловеку», мы должны избавиться от всего человеческого, того слишком человеческого, что есть в нас [2; 167].

Человек — это драма. Он всегда живет под угрозой утраты своей человечности, бытия самим собой. Из далеких 50-х годов XX в. Х.Ортега-и-Гассет предупреждает всех нас: история человечества представляет собой череду кризисов, отступлений, упадков и опасность регрессии существует и поныне [3; 408].

Человек «вырван» из собственного бытия. В ускоряющемся времени он живет либо прошлым, тоскуя о нем и называя его зачастую «добрым», либо будущим, возлагая на него большие радужные надежды. Он не живет здесь и сейчас. Он все время только готовится жить. Поэтому конец воспринимает как неожиданность.

Это отражается и на характере взаимоотношений между людьми. Жизнь человека, по мнению постструктуралистов, в рамках доиндустриального общества была игрой между человеком и природой. В то время люди работали малыми группами и находились в зависимости от природы. В индустриальном обществе природу заменяют машины. Основным типом взаимодействия становится взаимодействие человека с человеком. Но это взаимодействие не подразумевает коммуникацию, ориентированную на общение. Во время этой коммуникации люди выступают только в определенных социальных ролях. Речь идет об отношениях между субъектами общества, т.е. отношениях, имеющих сугубо практическое значение, а вовсе не общение ради общения. Налицо ситуация, при которой длительность человеческих отношений постоянно растет, люди проносятся по нашей жизни как вещи и места. Вещь можно выбросить и заменить новой. Точно так же поступают с людьми, если рассматривают их только как носителей социальных ролей. Поэтому с точки зрения американского социолога Д.Белла «люди должны учиться жить друг с другом» ...» [4; 103].

Становится все более очевидной «игра в общество». Люди, ставшие должностными субъектами государства, вдруг начинают обособляться от массы людей, отчуждаться от них и становиться «одномерными», по выражению Г.Маркузе. Они перестают быть частью человеческого сообщества, превращаясь в надчеловеческие существа, в своеобразных «левиафанов». Возникает закономерный вопрос: а может ли вообще человек просто жить, не играя?

Данная проблема имеет и другую сторону. Если для окружающих человек не более, чем набор социальных ролей, с ним вступают во взаимодействие только как с одномерным человеком, а не как с полноценной личностью, то он привыкает к тому, что является набором социальных ролей, а не уникальной личностью. Человеку просто остается идентифицировать себя с той или иной социальной ролью, которую он выполняет. Но кто поможет индивиду осознать, что он гораздо больше, чем простой набор социальных ролей.

Для того чтобы человек сформировался как личность, он должен иметь определенные нравственные, смысложизненные ориентиры. Если же он оказывается в ситуации полного разложения этих ориентиров, то сознание личности распадается. Вместо твердых устойчивых принципов он руководствуется локальными правилами игры. Возникает противоречивость личностного существования, что приводит к нервным расстройствам, психическим заболеваниям, стрессам и даже самоубийству.

Изучение культуры предполагает пристальное рассмотрение этих процессов и вскрытие их глубинных социокультурных причин.

Цена, которую человечество вынуждено платить за то, чтобы обрести завоевания цивилизации, оказывается слишком высока. Речь идет не только о том, что человек перестает ориентировать свое поведение на моральные ценности. Как отмечает ряд исследователей, существование человека становится бездуховным. В качестве его основных примет перечисляются стремление к успеху и удовольствиям (причем любой ценой), ненасытная жажда обладания, а также, что особенно пугает, конформизм, готовность подчиняться господствующей организации.

Живи одним днем, веселись, пока можешь, — такова установка, которая исповедуется в состоянии постсовременности.

Но может ли относиться так к жизни человек, являющийся полноценной личностью? Возможно ли, отказавшись от созидательного труда во имя общего блага и променяв его на сиюминутные удовольствия, оставаться полноценной личностью и способствовать воспитанию следующих поколений? Если, конечно, понимать под воспитанием не процесс адаптации к изменившимся условиям, а воспитание в подлинном смысле этого слова, как замечал еще И.Кант, только тогда мы сможем вызвать к жизни лучшее будущее.

Много загадок и проблем поставило перед нами постсовременное общество, обнажив тем самым многомерность бытия. Ясно одно: жить в нем по старым правилам игры не получится. Постсовременный человек основывается на нормах поведения, имеющих в основании технологический критерий, как бы мы с этим не боролись. Такова заявка времени, которое повернуть вспять человечество еще не может. Да и нужно ли? Не является ли эта попытка очередным заблуждением человека?

Жан Бодрийяр считает: «Мы обречены переигрывать все сценарии именно потому, что они однажды уже были разыграны — все равно, реально или потенциально...» [1; 84]. Если воспринять эту фразу с оптимизмом, то, действительно, мы не должны утрачивать накопленную веками мудрость человечества. Наш разум должен учиться у природы, чтобы создать, пусть и искусственный, но гармоничный, совершенный, не теряющий пустоты и рассеянности человеческий мир — мир Культуры. Наш разум должен учиться у религии, чтобы не забывать о мире высшей духовности. Наш разум должен учиться у человека творящего, создающего свой искусственный мир. Наш разум должен учиться у Сверхчеловека, чтобы подавить «слишком человеческое».

Список литературы

1. Кемеров В.Е. Введение в социальную философию: Учебник. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 215 с.
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. — М.: Интербук, 1990. — 292 с.
3. Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди. — М.: Мысль, 1997. — 605 с.
4. Белл Д. Культурные противоречия капитализма. — М.: Этическая мысль, 1990. — 780 с.